

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Дж. Вахим

Бейрутский арабский университет, Бейрут, Ливан

А.А. Кузнецов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

В статье содержатся подробное исследование и анализ геополитической составляющей сирийского конфликта. Подробно рассматриваются региональное деление Сирии, особенности регионов этой страны и их тяготение к сопредельным государствам. Вскрывается природа Сирии как объекта, а не субъекта мировой политики в 1946—1970 гг. Показаны основные риски внедрения в Сирии идеологии арабского национализма и позиционирования Дамаска в качестве полюса арабского единства в условиях поликонфессиональной природы сирийского общества. Представлен геополитический курс президента Хафеза Асада (1970—2000 гг.), выявляются причины стратегического альянса Сирии в конце XX в. с Советским Союзом и Ираном, а также цели режима Х. Асада во внешнеполитическом плане (возвращение Голанских высот и создание Великой Сирии). Выявляются причины, приведшие к кризису 2011 г., причины изоляции Сирии и враждебности по отношению к ней таких акторов как США, Саудовская Аравия, Турция. Рассматривается роль Сирии в рамках ирано-саудовского регионального соперничества. Делаются выводы о геостратегических целях Саудовской Аравии, Ирана, Турции в сирийском конфликте, а также прогноз развития этого военно-политического кризиса.

Ключевые слова: геополитика, арабский национализм, Сирия, Турция, Саудовская Аравия, США, Иран, ирано-саудовское соперничество, курдский фактор.

В течение последних пяти лет в Сирии разворачивается военно-политический конфликт, ставший наиболее кровопролитной гражданской войной на Ближнем Востоке за весь период новейшей истории. Война в Сирии привела к гибели значительного количества мирных граждан, перемещениям миллионов людей, полному разрушению экономики и инфраструктуры этой ближневосточной страны. Значительным негативным результатом сирийского кризиса является усиление джихадистских и экстремистских группировок, наиболее крупной из которых является террористическая организация «Исламское государство». Разумеется, вызреванию сирийского конфликта во многом способствовали внутренние фак-

торы. К ним относятся неолиберальные реформы в экономике Башара Асада в начале 2000-х гг. и связанная с ними пауперизация значительных масс населения, производ спецслужб, их вмешательство в экономику и деятельность хозяйствующих субъектов, межконфессиональные противоречия. Однако, по нашему убеждению, сирийский конфликт не принял бы настоящих масштабных и насильственных форм без вмешательства международных акторов. Политическая борьба различных региональных и внерегиональных держав подпитывает гражданскую войну в стране и существенно затрудняет урегулирование сирийского конфликта. Без выяснения геополитических факторов чрезвычайно сложно понять его причины и выработать схему его всеобъемлющего урегулирования.

Сирия традиционно занимает чрезвычайно важное геополитическое положение на Ближнем Востоке. Большая Сирия (Билад аш-Шам), включающая в себя территорию САР, Ливана, Палестины и Иордании, играет центральную роль в ближневосточном регионе, являясь буферной зоной между Египтом, Анатолией и Месопотамией (Ираком). В период Османской империи (XVI — начало XX вв.) и французского мандата (1920—1946 гг.) территория нынешней Сирии представляла собой конгломерат геоэкономических регионов со слабой привязкой к единому центру — Дамаску. Северо-восточная часть Сирии, включающая в себя регионы аль-Хасеке, аль-Камишлы, Ракки и продолжающаяся до Евфрата, имела сильные связи с Ираком. В настоящее время эта территория является ареной боевых действий между ИГ и курдскими вооруженными формированиями. Северная экономическая столица Сирии Алеппо была тесно связана в торговом отношении с Анатолией. Переход Сирии под французский контроль нарушил эти связи, но режим Кемаля Ататюрка, сосредоточенный на модернизации страны и образовании национального государства, не уделял в то время большого внимания Ближнему Востоку. Согласно мандату, французами было создано в Сирии четыре автономных образования: алавитское в прибрежной зоне, друзское в Джебель-Друз и два суннитских с центрами в Дамаске и Алеппо. Друзы Сирии больше тяготели к своим единоверцам в Ливане и Иордании. В то же время суннитское население южной Сирии (регион Хауран) начало укреплять связи с родственными арабскими племенами на Аравийском полуострове [Hourani 1991: 314—315]. Таким образом, создание подмандатной Сирии иллюстрирует правоту Карла Каутского, отметившего, что «границы, намеченные колониализмом, создали национальные государства в юридическом смысле, но не смогли создать нации» [Tibi 1981: 19].

В то же время в колониальной французской системе сохранялась осевая роль Дамаска, сумевшего монополизировать функции судебного, управленческого и отчасти экономического центра. Нет ничего удивительного в том, что именно среди буржуазии и городских нобилей Дамаска зародилась и расцвела на рубеже XIX—XX вв. идеология арабского национализма. В условиях существенных различий между регионами Сирии именно она была способна объединить страну и дать ей направление развития. Как отмечал Филипп Хури, «Дамаск сконцентрировал непропорционально большое количество светлых умов, среди которых зародился в конце XIX в. арабский национализм. Почти все они

принадлежали к одному классу — были выходцами из семей бюрократов-землеладельцев» [Zeine 1960]. Политическим движением, наиболее последовательно выражавшим идеи светского арабского национализма, стала Партия арабского возрождения (Баас), созданная 4 апреля 1947 г. сирийскими интеллектуалами: православным христианином Мишелем Афляком и суннитом Салахеддином Битаром. После слияния с группой левых социалистов Акрама Хаурани в 1951 г. она получила название «Партии арабского социалистического возрождения».

В 1946—1970 гг. Сирия была слабым государственным образованием, подверженным внутренней нестабильности и постоянным государственным переворотам. В политической элите страны конкурировали группировки, отстаивающие политические альянсы или даже создание единого государства с одной стороны с Ираком, с другой — с Египтом. При этом в 1940—1950-е гг. за спиной проиракских групп стояла Великобритания, за спиной проегипетских — США. 30 марта 1949 г. в результате военного переворота к власти в Дамаске пришло правительство полковника Хусни Заима, ориентировавшееся на союз с Египтом и Саудовской Аравией и поддержанное Вашингтоном. Однако уже 14 августа того же года оно было свергнуто полковником Сами Хенауи, являвшимся британским агентом [Seale 1987: 106]. 19 декабря 1949 г. очередное правительство было свергнуто генералом Адибом Шишакли, опиравшимся на помощь США. В 1954 г. непопулярное правительство Шишакли пало в результате народного восстания. Гражданское правительство Сирии во главе с Шукри Куатли взяло курс на тесный союз с Египтом, лидером которого был в то время Гамаль Абдель Насер, антиимпериалистически настроенный политик и союзник СССР [Seale 1987: 184]. В 1958 г. после проведенного референдума было принято решение об объединении Египта и Сирии в единое государство — Объединенную Арабскую Республику. Однако национализация экономики, проводившаяся в Сирии насеристами, вызвала недовольство со стороны буржуазии Дамаска и Алеппо. В 1961 г. в результате очередного переворота власть в Дамаске захватили сторонники отделения от Египта [Seale 1987: 326]. В 1963 г. к власти в стране приходит группа военных во главе с генералом Амином аль-Хафизом, тесно связанных с партией Баас. Баасисты получают ключевые посты в новом сирийском правительстве. В 1966 г. раскол между правыми и левыми баасистами приводит к очередной смене власти. Основатели партии М. Афляк и С. Битар вынуждены были эмигрировать, а первые позиции в государстве заняли представители «военного крыла» Баас, настаивавшие на введении в Сирии однопартийной системы и строительстве социалистической экономики. Частая смена власти и хроническая нестабильность привели к тому, что Сирия в этот период являлась не субъектом, а объектом международной политики. Армия была успешна только как инструмент государственных переворотов и оказалась совершенно неэффективна в войнах с Израилем. В октябре 1970 г. министр обороны САР Хафез Асад предпринимает «исправительный» переворот, отстраняя от власти своих бывших соратников — генералов Салаха Джадида и Абдель Карима аль-Джунди. Обращает на себя внимание, что все трое принадлежали не к мажоритарной в Сирии суннитской конфессии,

а являлись представителями религиозных меньшинств (С. Джадид и Х. Асад были алавитами, а А.К. аль-Джунди — исмаилитом) [Seale 1997: 104—117].

Концентрация власти в руках Хафеза Асада способствовала усилению сирийского государства и армии. После кэмп-дэвидского предательства Египта в 1979 г. Сирия становится полюсом арабского национализма. Долгосрочной стратегией сирийской баасистской элиты в тот период являлось создание Великой Сирии (Билад аш-Шам) в составе САР, Ливана, Иордании и Палестины под эгидой Дамаска. Следуя данной логике, в 1976 г. в Ливан были введены сирийские войска, сыгравшие важную роль в ходе гражданской войны, длившейся в этой стране до 1990 г. Одновременно Дамаск пытался получить контроль над палестинским движением сопротивления, то усиливая, то ослабляя позиции его лидера Ясира Арафата. В осуществлении своих планов Х. Асад опирался на поддержку Советского Союза, с которым он заключил долговременный стратегический альянс после арабо-израильского конфликта 1973 г. [Seale 1997: 250—367] При этом новым руководством Сирии преследовались три цели: восстановление политической субъектности страны, восстановление территориальной целостности (возвращение оккупированных Израилем в 1967 г. Голанских высот) и создание Великой Сирии.

Одновременно с сирийско-советским альянсом в геополитических интересах Дамаска складывался и сирийско-иранский. Стратегическое партнерство между ИРИ и САР началось сразу же после победы исламской революции в Иране. Альянс Дамаска и Тегерана, несмотря на близость алавитского вероучения к шиизму, был продиктован не религиозной солидарностью, а требованиями геополитической целесообразности. Для Тегерана он был залогом распространения иранского влияния в арабском мире и возможностью создания тылового плацдарма для проиранского движения «Хизбалла» в Ливане. Желание Дамаска установить союзные отношения с Ираном были продиктованы тремя факторами. Во-первых, в условиях жесткого противостояния режима Асада суннитским исламским фундаменталистам внутри страны для баасистов было необходимо заручиться поддержкой шиитского фундаменталистского режима в Тегеране, чтобы избежать обвинения в *куфре* и отступничестве. Во-вторых, шиитское движение «Хизбалла» стало главным союзником Дамаска в деле приобретения господства над Ливаном. В-третьих, оба государства сближали враждебные отношения с саддамовским Ираком. Иран с сентября 1980 г. находился с Ираком в условиях открытой, ожесточенной войны. Дамаск и Багдад, несмотря на нахождение у власти региональных отделений партии Баас, находились, начиная с 1979 г. в состоянии непримиримой конфронтации. Таким образом, сирийско-иранский союз с 1980 г. охватывал враждебный Ирак с двух флангов [Seale 1997: 351—356].

В то же время Хафез Асад, принадлежавший к алавитской конфессии, старался поддерживать в стране межрелигиозный и межэтнический баланс. Он значительно увеличил количество алавитов в сирийских силовых структурах, но вместе с тем двумя ближайшими соратниками президента были сунниты: министр обороны Мустафа Тласс и министр иностранных дел Абдель Халим Хаддам. Кроме того, наряду с алавитскими силовиками Асад опирался на суннитскую буржуазию Дамаска. Во время конфронтации с оппозиционным исламистским движением

«Братья-мусульмане» в 1975—1982 гг. Х. Асад купил лояльность суннитских коммерсантов Дамаска увеличением доли импорта с одного миллиарда сирийских фунтов в 1975 г. до 4,17 млрд в 1981 г. [Batatu 1997: 208].

Окончание холодной войны и распад СССР внесли значительные коррективы в политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Прежде всего, обозначился явный интерес к гегемонии в этом регионе. О важности ближневосточного региона для геостратегии США писал в своей книге «Великая шахматная доска» Збигнев Бжезинский. Американский геополитик объединяет Ближний Восток вместе со Средним Востоком, Центральной Азией и Кавказом в один большой регион под названием «Евразийские Балканы». Переосмысляя классическую геополитическую схему Хэлфорда Макиндера, З. Бжезинский считает данный регион ключевым для контроля над Евразией. Фактором, ключевым для поддержания стабильности в странах Ближнего Востока и Персидского залива, он считает «американскую силу». Контроль над Ближним Востоком позволяет отделить Европу от Африки, свести на нет российский доступ к Персидскому заливу и Индийскому океану, ослабить китайское присутствие в Африке [Бжезинский 2010: 149—181].

На первом этапе однополярной системы (1990—2003 гг.) Вашингтон избрал тактику вовлечения Сирии в американские проекты на Ближнем Востоке. Ключевым моментом здесь стала Первая война в Заливе 1990—1991 гг. Американцы, озабоченные сколачиванием антииракской коалиции, взяли курс на нормализацию отношений с Дамаском. В обмен на участие сирийской армии в операции «Буря в пустыне» США дали добро на подписание в 1990 г. Таифских соглашений, закреплявших сирийскую гегемонию в Ливане. Сирия вступила в своеобразный альянс с Египтом и монархиями Персидского залива, получив от Саудовской Аравии экономическую помощь в размере 2 млрд долларов. При посредничестве США правительство Х. Асада вело в 1992, 1993 и 1997 гг. переговоры с Израилем о возвращении Голанских высот, правда без особого успеха [Naba 2006].

После прихода к власти в Вашингтоне в 2000 г. неоконсервативной администрации Джорджа Буша-младшего курс США в отношении Сирии меняется и приобретает откровенно враждебный характер, направленный на ограничение сирийского влияния в регионе. В Ливане набирает силу поддерживаемое Западом движение за вывод сирийских войск, инициаторами которого явились премьер-министр Рафик Харири и высшее духовенство маронитской церкви. В октябре 2004 г. была принята резолюция Совета Безопасности ООН 1559, призывавшая к выводу из Ливана сирийского военного контингента. В новом курсе по отношению к Сирии Вашингтон опирался на помощь Франции. Американско-французские отношения на Ближнем Востоке в тот период носили сложный характер и еще ждут своего исследователя. Напомним, что Париж вместе с Берлином и Москвой возражали против американской интервенции в Ирак в 2003 г. Администрация Жака Ширака рассчитывала, что американцы столкнутся с сопротивлением иракской армии и надолго завязнут в этой стране. Однако Ирак был оккупирован в течение нескольких недель. Желая усилить свое влияние на Ближнем Востоке, Париж начал оказывать содействие Вашингтону в ливанском досье. Целью было

оторвать президента Башара Асада от стратегического альянса с Ираном и взамен получить от США санкцию на восстановление французского влияния в Сирии и Ливане [Nouzille 2010: 395—449]. Однако этого не произошло.

Гибель Рафика Харири в результате теракта 14 февраля 2005 г. привела к новой расстановке сил в регионе. Р. Харири, выступая в качестве лидера суннитской общины Ливана, был проводником политики Саудовской Аравии и человеком, близким к саудовской королевской семье. Его убийство было воспринято саудовской правящей элитой как личное оскорбление. Версия о причастности сирийских спецслужб к данному теракту привела к конфронтации Эр-Рияда с Дамаском. Кроме того, продолжающийся стратегический союз Сирии с Ираном и движением «Хизбалла» (ось сопротивления) был воспринят в Королевстве Саудовской Аравии (КСА) как угроза саудовским национальным интересам. Одним из основных факторов, побуждающих государства Персидского залива проводить подрывные акции против Сирии, является желание разорвать сирийско-иранский альянс. Весной 2011 г. один из высших чиновников Саудовской Аравии в беседе с шефом администрации бывшего американского вице-президента Дика Чейни Джоном Ханной выразил уверенность, что смена режима в Сирии будет чрезвычайно благотворной для Саудовской Аравии. Он сказал следующее: «Король знает, что ничто кроме краха самой Исламской Республики не может ослабить Иран сильнее, чем потеря Сирии»¹.

Исходя из этого, вполне понятным представляется включение КСА в анти-сирийскую подрывную деятельность после начала протестных выступлений в стране в марте 2011 г. Вплоть до осени 2013 г. позиции заливных монархий по сирийскому вопросу вполне совпадали с интересами США. Анализ этих подходов содержался в статье Джорджа Фридмана «Сирия, Иран и баланс силы на Ближнем Востоке». Учитывая то, что возглавляемую Фридманом организацию STRATFOR часто называют «теневым ЦРУ», данная статья представляет собой не просто мнение эксперта. В статье выражалось опасение «массивного сдвига в балансе сил в регионе после вывода американских войск, в результате чего Иран превратится из маргинальной страны в сверхдержаву». Фридманом были проанализированы причины ирано-сирийского стратегического партнерства: «Иранский исламистский режим дал светскому сирийскому режиму иммунитет от шиитского фундаментализма в Ливане. Что еще важнее, он предоставил ему поддержку в его ливанских авантюрах и защиту от возможных протестов суннитского большинства в самой Сирии» [Friedman 2011].

Иран с начала конфликта включился в защиту своего сирийского союзника — правительства Башара Асада. Сирия является важным звеном в выстраивавшейся Исламской Республике Иран (ИРИ) на протяжении последнего двадцатилетия «оси сопротивления». Историческим лейтмотивом иранской геополитики является движение на запад — к Восточному Средиземноморью и Леванту. Падение правительства Асада лишает Тегеран оказывать помощь движению «Хизбалла»

¹ Crooke A. The 'great game' in Syria. Asia Times, 06.02.2012. URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MJ22Ak01.html (accessed: 07.05.2014).

в Ливане и существенно уменьшает влияние Ирана на арабский мир. По данным ряда источников, финансовая помощь Ирана сирийскому правительству достигает 7 млрд долларов в год. По просьбе иранского руководства вооруженные формирования движения «Хизбалла», начиная с мая 2013 г., принимают активное участие в боевых действиях на территории Сирии на стороне правительства Башара Асада. Военные советники Корпуса стражей исламской революции (КСИР) координируют действия сирийской армии [Ахмедов, Кулагина 2014].

Впрочем, уже с осени 2013 г. наблюдаются значительные расхождения в американских и саудовских подходах к сирийскому конфликту. Разочаровавшись в возможностях «умеренной» сирийской оппозиции, Эр-Рияд взял курс на поддержку радикальных исламистских вооруженных организаций. В сентябре 2013 г. было объявлено о создании нового вооруженного объединения «Джейш аль-Ислам» («Армия Ислама»). В состав этой группировки, находящейся под плотной опекой саудовских спецслужб, вошли группы джихадистов «Ахрар аль-Шам», «Лива аль-тавхид», «Лива аль-хакк», «Ансар аль-Шам» и Курдский исламский фронт. В результате эта группа объединила до 50 тыс. бойцов, а ее возможности финансирования и вооружения остаются на порядок выше, чем у ИГ и «Джабхат ан-нусры», считающей себя ответвлениями «Аль-Каиды» [Александров 2015]. Одновременно саудовской правящей элитой было чрезвычайно негативно воспринято начало (пусть и в очень ограниченных объемах) американо-иранского диалога, вылившегося в июле 2015 г. в подписание Всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной проблеме². Вашингтон все больше дистанцируется от ирано-саудовского противостояния. Настолько, что президент США Б. Обама в интервью журналу *The Atlantic Magazine* предложил саудитам «установить с Ираном «холодный мир» и разделить сферы влияния на Ближнем Востоке» [Goldberg 2016]. Не последнюю роль в этом играют опасения Вашингтона по поводу роста влияния на Ближнем Востоке внесистемных экстремистских и террористических организаций, таких как «Исламское государство». Напомним, что с осени 2014 г. американская военная авиация осуществляет бомбардировки позиций террористов в Сирии и в Ираке. В настоящее время Эр-Рияд и Вашингтон преследуют в сирийском конфликте разные цели. Саудиты хотели бы видеть у власти в Дамаске правительство исламских фундаменталистов, находящееся под доминированием КСА. Одновременно такое правительство не должно включать в себя представителей движения «Братья-мусульмане», идеология и практика которых вызывают резкое неприятие в Эр-Рияде³. Американцы хотели бы видеть на месте Сирии рыхлое государственное образование, не играющее самостоятельной роли и неспособное противостоять главному американскому стратегическому партнеру в регионе — Израилю.

Отдельно необходимо остановиться на роли Турции в сирийском конфликте. Приход к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР)

² al-Rashed A. Are we seeing a new Obama? URL: <http://www.aawsat.net/2013/09/article55317774> (accessed: 28.02.2016).

³ Ibid.

обозначил разрыв со светским политическим наследием Кемаля Ататюрка. На наш взгляд, этот разрыв стал окончательным в 2007—2009 гг., когда провалились планы турецкой элиты по вступлению в Европейский союз (ЕС)⁴. Это привело к реализации планов турецких исламистов по инкорпорации страны в исламский мир на лидирующих позициях. В своей книге «Стратегическая глубина» Ахмет Давутоглу обрисовал контуры новой турецкой внешней политики в эпоху после холодной войны. По его мнению, Турция не должна останавливаться на своей границе с Ираком и Сирией, но довести сферу своего влияния до Киркука и Мосула в Ираке и Алеппо в Сирии [Давутоглу 2010]. Таким образом, Ближний Восток стал рассматриваться новой исламистской элитой в качестве «заднего двора» Турции. В 2005—2011 гг. турецкое проникновение в Сирию носило мирный характер. Анкара предприняла ряд мер по разблокированию отношений с Дамаском. В частности, были сняты сирийские территориальные претензии к Турции (провинция Хатай). Между двумя странами была образована зона свободной торговли, позволившая увеличить двусторонний товарооборот с 730 млн долларов в 2000 г. до 2,5 млрд долларов в 2010 г. [Волович 2011].

Начало массовых протестов в Сирии весной 2011 г. было использовано турецким истеблишментом для увеличения влияния на сирийскую политику. Анкара попыталась легализовать в этой стране своих политических союзников — движение «Братья-мусульмане» и ввести их в сирийское правительство. С этой целью в первые месяцы сирийского кризиса турки пытались позиционировать себя в качестве посредников между правительством Асада и оппозицией. Турецкий министр иностранных дел А. Давутоглу в марте-апреле 2011 г. посещал Сирию, предлагая содействие в процессе национального примирения в САР⁵ [Murtada 2011]. Примечательно, что в первое полугодие кризиса не было зафиксировано оппозиционных выступлений в сирийских городах, прилегающих к турецкой границе. В то же время по мере понимания того, что Асад не собирается идти на уступки, подходы Турции к сирийскому конфликту менялись. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил в июне 2011 г. о том, что «ужасы, творящиеся в Сирии, не имеют оправдания» и призвал Б. Асада отправить в отставку своего брата Махера, командующего Республиканской гвардией [Хабиб 2011]. В июле 2011 г. в городе Джиср эш-Шугур, прилегающем к турецкой границе, произошел мятеж, в результате которого погибли 120 сирийских силовиков.

Дальнейший ход событий хорошо известен. Турция стала одним из основных спонсоров как гражданской сирийской оппозиции (Сирийский национальный совет), так и вооруженных формирований Сирийской свободной армии (ССА). К лету 2014 г. турки разочаровались в возможностях ССА и движения «Братья-мусульмане», показавших свою слабость, и приступили к поддержке откровен-

⁴ Акчали Э., Перинчек М. Кемалистское евразийство: новый политический дискурс в Турции. URL: <http://www.geopolitica.ru/Articles/821> (дата обращения: 28.02.2016).

⁵ Murtada R. Ankara envoy supports Damascus reforms. Now Lebanon, April 6, 2011. URL: <http://www.nowlebanon.com/NewsArchiveDetails.aspx?ID=258511> (accessed: 28.02.2016).

но экстремистских и террористических организаций. Освещение связей Анкары с исламскими радикалами и террористами не входит в задачу данной статьи. Отметим только, что об этом неоднократно писали оппозиционные турецкие журналисты [Bekdil 2016]. Разрастание сирийского конфликта вызвало усиление в северных провинциях Сирии курдского фактора. Под контролем курдской Партии демократического союза (ПДС), тесно связанной с запрещенной в Турции Рабочей партией Курдистана, оказались значительные районы на севере Сирии. При этом в Анкаре усиливаются опасения, что в случае победы ПДС над «Исламским государством» курдские районы САР станут базой для сепаратистов, оперирующих в самой Турции. Это заставляет нынешнее турецкое руководство все глубже увязнуть в сирийском конфликте и продолжать поддержку экстремистских организаций. Ситуация для Турции существенно усугубляется тем, что и Москва и Вашингтон рассматривают ПДС в качестве союзника в борьбе против «Исламского государства» и поддерживают эту организацию, в том числе военными средствами. Это обстоятельство вызвало конфронтацию в турецко-российских отношениях и сильное охлаждение в отношениях Анкары с Вашингтоном. 1 февраля 2016 г. визит к сирийским курдам нанес посланник возглавляемой США коалиции Бретт Мак Гурк, посетивший именно город Кобани, оборонявшийся курдами от террористов в течение шести месяцев. Поездка американского дипломата на территории, контролируемые сирийскими курдами, вызвала очередную вспышку гнева турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана, который призвал Вашингтон выбрать в качестве партнера либо Турцию, либо «террористов из Кобани». «Как мы можем доверять вам? Кто является вашим партнером — я или террористы из Кобани?» — заявил турецкий лидер⁶.

Рассматривая геополитический фактор в сирийском конфликте, можно сделать ряд выводов, касающихся не только истоков сирийского противостояния, но и его возможного дальнейшего развития. Во-первых, сирийский конфликт давно перестал быть внутренней гражданской войной, но носит международный характер. В сирийском конфликте присутствуют противоположные интересы нескольких великих и региональных держав — США, России, Турции, Ирана, Саудовской Аравии. Противоборство интересов внешних акторов существенно затрудняет сирийские мирные переговоры и затягивает решение конфликта.

Во-вторых, большую роль в конфликте приобрело ирано-саудовское соперничество за гегемонию на Ближнем Востоке. Интересы ИРИ заключаются в выстраивании оси Тегеран-Багдад-Дамаск-движение «Хизбалла», позволяющей оказывать влияние на страны арабского мира и присутствовать в регионе Восточного Средиземноморья. В то же время Саудовская Аравия, позиционирующая себя в качестве лидера арабского мира, опасается оказаться во «враждебном иранском окружении». Под ним подразумеваются шиитское правительство в Багдаде, сторонники Башара Асада в Сирии, движение «Хизбалла» в Ливане, повстанцы-шииты (хоуситы) в Йемене. В краткосрочной и среднесрочной перспективе не про-

⁶ Candar C. Will he, won't he? Turks ponder whether Erdogan will invade Syria. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/02/turkey-syria-united-states-possible-military-intervention.html#ixzz40LvUJsBe> (accessed: 28.04.2016).

смачивается примирение интересов ИРИ и КСА в регионе, а значит конфликты между ними в Сирии, Ливане, Ираке и Йемене не получают разрешения.

В-третьих, сирийский конфликт вызвал появление на Ближнем Востоке новых акторов, преследующих свои интересы. К ним, прежде всего, относятся сирийские курды, связанные с турецкой Рабочей партией Курдистана (РПК). Активизация курдского фактора вызывает крайнее беспокойство Анкары и провоцирует поддержку правительством Эрдогана экстремистских и террористических организаций в Сирии, рассматривающихся в качестве противовеса курдской экспансии. Кроме того, в ходе развития сирийского конфликта выявились существенные расхождения между США и Турцией, стратегическое партнерство которых еще недавно считалось незыблемым. Американцы начали поддержку сирийских курдов, которых Анкара считает продолжением «террористической» РПК.

В-четвертых, разнонаправленная деятельность различных акторов в Сирии создает реальную угрозу распада этой страны. Турция приобрела большое влияние на радикальные исламистские группировки в районах Алеппо и Идлиба и рассматривает данные регионы в качестве своей сферы влияния. Бедуинские племена северо-востока Сирии в настоящее время находятся в сфере влияния террористической организации «Исламское государство» и даже в случае разгрома террористов будут сохранять более тесные связи с суннитами Ирака, чем с правительством в Дамаске. Прибрежные районы Сирии, населенные алавитами, столичный регион и регион Хомса, судя по всему, останутся под контролем правительства Асада. В немалой степени это вызвано тем, что Иран не допустит выхода из-под своего контроля коридора, соединяющего Сирию с Ливаном. Что касается южных регионов Сирии (Хауран), то здесь все более заметно саудовское и иорданское влияние. Такая расстановка сил создает реальную угрозу распаду страны и прекращения существования Сирии в качестве полюса арабизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров А.И. Сирия: о военном и дипломатическом контексте подготовки к конференции «Женева-2». URL: <http://www.iimes.ru/?p=19050> (дата обращения: 16.04.2016).

Ахмедов В., Кулагина Л. Сирия и Иран в новой региональной обстановке на Ближнем Востоке. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20454> (дата обращения: 16.04.2016).

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.

Волович А.А. Турция и арабские революции. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12684> (дата обращения: 16.04.2016).

Давутоглу А. Аль-Умк аль-истратиджи (Стратегическая глубина). Доха: Аль-Дар аль-Арабийя ли'ль Улум аль-Наширун, 2010.

Хабиб М. Тадхулу Туркийя иля азм ас-Сури. Ас-Сафир, 2011.

Batatu H. Syrian Peasantry. The Descendants of its lesser rural Notables and their politics. New Jersey: Princeton University Press, 1997.

Bekdil B. Turkey's fake war on jihadis. URL: <http://www.meforum.org/5982/turkey-fake-war-on-jihadis> (accessed: 28.02.2016).

Friedman G. Syria, Iran and the Balance of Power in the Middle East // STRATFOR review. 2011.

Goldberg J. The Obama doctrine. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/#7> (accessed: 28.07.2016).

Hourani A. A history of the Arab peoples. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1991.

Naba R. Le parti Baas. Monstres sacrees ou sacrees monsters ? Entre le Saladin babylonien et le Bismarck syrien, une détestation inexpiable. URL: <http://www.renenaba.com/le-parti-baas> (accessed: 28.06.2016).

Nouzille V. Dans le Secret des Presidents. Paris: Fayard, 2010.

Seale P. The struggle for Syria. A Study of post-war Arab politics. London: Tauris, 1987.

Seale P. Asad. The struggle for the Middle East. Los Angeles: University of California Press, 1997.

Tibi B. Arab Nationalism. A critical Enquiry. London: Macmillan, 1981.

Zeine Z. The struggle for Arab independence. Beirut: Khayat, 1960.

Дата поступления статьи: 07.06.2016

Для цитирования: Вахим Дж., Кузнецов А.А. Геополитическое измерение сирийского конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 461—472.

GEOPOLITICAL DIMENSIONS OF THE SYRIAN CONFLICT

J. Wakim

Beyruth Arab University, Beyruth, Lebanon

A.A. Kuznetsov

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

This article touches upon geopolitical dimension of the Syrian conflict. The authors consider in details regional subdivision of Syria and relations of Syrian regions with border countries. The authors of the article conclude that Arab nationalism as the Syrian state ideology and positioning of Syria as the center of Arab world were indispensable taking into account multiconfessional nature of Syria. Authors study the geostrategical doctrine of Hafez Asad (1970—2000) aimed to restore the territorial integrity of Syria (return of the Golan heights) and creation of Great Syria, bring to light reasons of the alliances of Syria with Soviet Union and Iran. The authors discover reasons of hostility toward Syria from such actors as United States, Saudi Arabia, Turkey. The hostile attitude of the US political elites toward the Syrian state can be explained by American intention to undermine strategic partnership between Syria and Iran. Enmity of Saudi hostility toward the Syrian regime began with the assassination of the Lebanese Prime Minister Rafic Hariri (2005). This action destroyed the political balance in Lebanon and was considered by the Saudis as a threat to their interests. Article contains analysis of the Syrian role in the Saudi-Iranian rivalry. To opinion of the authors, Turkish involvement in the Syrian conflict began with the attempts of the regime's change in this country and evolved to the defense of Turkish national interests from the Kurdish factor. The authors make some conclusions about the role of US, Iran, Saudi Arabia, Turkey in the Syrian conflicts. In the article it's made some forecasts about the development of Syrian conflict. The authors especially predict possibility of disintegration of the Syrian state according to spheres of influence

of the external actors involved to this conflict with Mediterranean coast, Homs and Damascus under the control of government, northern regions of the country under Kurdish control, Raqqa and Deir el Zor probably under Turkish control and the Southern Syria (Hawran) probably under Jordanian control.

Key words: geopolitics, Syria, US, Turkey, Iran, Saudi Arabia, Saudi-Iranian rivalry, Arab nationalism, Kurdish factor.

REFERENCES

- Aleksandrov, A.I. (2013). *Syria: o voennom I diplomaticheskom kontekste podgotovki k konferencii Geneva-2* [Syria: a military and diplomatic preparation for the conference “Geneva-2”]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=19050> (accessed: 16.04.2016).
- Ahmedov, V., Kulagina, L. (2014). *Syria I Iran v novoy regionalnoy obstanovke na Blizhnem Vostoke* [Syria and Iran in a new regional situation in the Middle East]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20454> (accessed: 16.04.2016).
- Bzhezinsky, Z. (2010). *Velikaya Shahmatnaya doska. Amerikanskoe prevoshodstvo I ego geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard. American supremacy and its Geostrategic Imperatives]. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya.
- Batatu, H. (1997). *Syrian Peasantry. The Descendants of its lesser rural Notables and their politics*. New Jersey: Princeton University Press.
- Bekdil, B. (2016). *Turkey's fake war on jihadis*. URL: <http://www.meforum.org/5982/turkey-fake-war-on-jihadis> (accessed: 28.02.2016).
- Davutoglu, A. (2010). *Al-Umq al-Istratiji*. Doha: Al-Dar al-Arabiya li al-Ulum al-Nashirun.
- Friedman, G. (2011). Syria, Iran and the Balance of Power in the Middle East. *STRATFOR review*.
- Goldberg J. *The Obama doctrine*. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/#7> (accessed: 28.07.2016).
- Habib, M. (2011). Tadhulu Turkiya ila azm al-Suri./ *Al Safir*.
- Hourani, A. (1991). *A history of the Arab peoples*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.
- Naba, R. (2008). *Le parti Baas. Monstres sacrees ou sacrees monsters? Entre le Saladin babylonien et le Bismarck syrien, une detestation inexpiable*. URL: <http://www.renenaba.com/le-parti-baas/> (accessed: 28.06.2016).
- Nouzille, V. (2010). *Dans le Secret des Presidents*. Paris: Fayard.
- Seale, P. (1987). *The struggle for Syria. A Study of post-war Arab politics*. London: Tauris.
- Seale, P. (1997). *Asad. The struggle for the Middle East*. Los Angeles: University of California Press.
- Tibi, B. (1981). *Arab Nationalism. A critical Enquiry*. London: Macmillan.
- Volovich, A.A. (2011). *Turciya i arabskie revolucii* [Turkey and the Arab revolutions]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12684> (accessed: 16.04.2016).
- Zeine, Z. (1960). *The struggle for Arab independence*. Beirut: Khayat.

Received: 07.06.2016

For citations: Wakim, J., Kuznetsov, A.A. (2016). Geopolitical dimensions of the Syrian conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 461—472.

© Вахим Дж., Кузнецов А., 2016